

ФАБРИЧНАЯ ИНСПЕКЦИЯ И ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ ПОМПАДУРИЯ.

30 мая текущего года Николай II написал „Утверждаю“ на новом документе, дополняющем и без того выразительный облик нашего „декадентского“ правительства. Документ этот называется „О порядке и пределах назначения чинов фабричной инспекции начальниками губерний и о некоторых изъяснениях во внутренней организации ея“.

Суть его состоит въ томъ, что губернаторы становятся полными хозяевами фабричной инспекции, которая лишается послѣдней тѣни самостоятельности, — и съ этой стороны, полная передача фабричной инспекции въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, о чемъ не разъ говорилось въ печати, — очень мало способна прибавить къ послѣднему „положенію“. Правда, институтъ фабричной инспекции пока еще остается формально составной частью министерства финансовъ, но „мѣстные чины фабричной инспекции дѣйствуютъ подъ руководствомъ губернатора (градоначальника, обер-полицеймейстера)“. Самое наболевшее на должность фабричныхъ инспекторовъ производится по согласію съ губернаторомъ. Ему же предоставляется право требовать отъ чиновъ фабричной инспекции представления очередныхъ и срочныхъ докладовъ по дѣламъ инспекции и — что особенно важно — ему же дана власть отнимать („въ матеріальныхъ отлагательствахъ случаевъ“) противорѣчія законамъ и интересамъ общественного порядка распоряженія чиновъ фабричной инспекции, съ доведеніемъ о семъ до свѣдѣнія министерства финансовъ*. Слѣшкомъ ясно, что при такихъ условіяхъ фабричный инспекторъ превращается въ сущности въ чиновника особыхъ („фабрично-заводскихъ“) поручений при особѣ губернатора.

По закону, фабричная инспекция, учрежденная въ 1882 г. для надзора за примѣненіями закона о работѣ малолѣтнихъ, подчиняется, какъ извѣстно, непосредственно департаменту торговли и мануфактуръ (министерство финансовъ).

Когда въ 1886 г. поставленъ былъ на очередь вопросъ о расширеніи компетенціи фабричной инспекции до общаго надзора за „законопослостью въ отношеніяхъ между фабрикантами и рабочими“, Общее Собраніе Государственнаго Совета, разсматривая соответственный законопроектъ, обсуждало, между прочимъ, вопросъ о подчиненіи инспекции непосредственно губернскому началству и пришелъ къ тому выводу, что „столь коренное измѣненіе въ ея устройствѣ едва-ли вызывается указаннымъ опытомъ“. Утвердивъ дѣятельность инспекции, въ теченіе четырехъ лѣтъ со времени ея учрежденія, доказываетъ, что непосредственное руководство ею со стороны центральныхъ вѣдомствъ, нисколько не колебало вліяніе губернскаго начальства, во многомъ обезпечивало спокойное и согласованное съ видами правительства примѣненіе закона о работѣ малолѣтнихъ*.

Но тѣ условія, которыя въ 1886 г. обезпечивали относительно „спокойное и согласованное съ видами правительства“ примѣненіе законовъ, между прочимъ и указомъ сфера вѣдѣнія фабричной инспекции — совершенно измѣнились къ 1903 г. Отдѣляющій эти два момента періодъ времени составляетъ исторію русскаго рабочаго движенія, — и вотъ нѣтъ интересъ „закона и общественного порядка“ требуютъ того, „что во имя ихъ отвергаются 17 лѣтъ тому назадъ“ требуютъ полного подчиненія фабричнаго инспектора губернаторской власти.

Съявляющійся по законодательному акту съ „идеями русскаго четвертаго сословія“ несомнѣнно. Этой связи способств. не закрываетъ развѣ только русскій либералъ, который въ „соціальной политикѣ“ самодержавія не усматриваетъ ничего, кромѣ чередованія моментовъ „государственной мысли“ и „государственной безмыслицы“, который за законодательный ярломъ не видитъ борющагося социально-классовыхъ силъ, бросающихъ на экранъ свои пріемы или обратная отраженія.

Самый фактъ учрежденія фабричной инспекции былъ, въ банкрутствѣ смыслѣ, актъ „революционный“; онъ повлѣкъ въ сущности конецъ либеральнымъ апелляциямъ къ сакраментальной патріархальности, якобы составляющей атмосферу нашихъ фабрично-заводскихъ отношеній. Фабричная инспекция, какъ постоянный аппаратъ „миротворительнаго согласія сторонъ“, означаетъ признаніе возможности частыхъ, если не хроническихъ недоразумѣній между этими „сторонами“. Самый фактъ возможности искать разрѣшенія извѣстныхъ вопросовъ у надлежачихъ инстанцій, можетъ стать и конечно становится для „сѣрыхъ“ рабочихъ первымъ толчкомъ къ робкимъ, но все же неслучайнымъ размышленіямъ въ сторону „нашей четвертаго сословія“.

И въ этомъ именно — составъ преступленія фабричной инспекции. Она виновата, она сугубо виновата въ томъ, что стоитъ на пересѣченіи враждебныхъ интересовъ пролетариата и буржуазіи. И какъ бы фабричный инспекторъ ни старался нейтрализовать социальную противорѣчивъ въ интересахъ порядка, т. е. абсолютизма, классовая тенденція департамента сохраняющая свою внутреннюю логику, глубоко-революционную, неуприимую враждебную самодержавію, — и они готовы, въ томъ или другомъ случаѣ, съдѣлать и правительственному фабричнаго инспектора исходнымъ пунктомъ своего развѣянія.

И для насъ новое правительственное распоряженіе поучительно прежде всего въ томъ отношеніи, что лишний разъ показываетъ — какъ всякій правительственный органъ, не непосредственно приставленный къ охраненію „общественнаго спокойствія“, т. е. не состоящій по министерству внутреннихъ дѣлъ, можетъ стать и становится переносомъ, выходящимъ политическое броженіе.

Тутъ передъ нами одно изъ безчисленныхъ проявленій волевого взаимопризнанія интересовъ самодержавія и интересовъ общественного прогресса. Задача самодержавія —

подчинить общественную жизнь — въ цѣлахъ „порядка и спокойствія“ — министерству внутреннихъ дѣлъ. Задача нашей общественной жизни — использовать все, что издается подъ рукамъ, въ цѣлахъ „нарушенія общественного спокойствія“, — и въ этомъ процессѣ жизнь стремится оторвать каждый органъ, не непосредственно уполномоченный „тащить и не пущать“, и съдѣлать его виновникомъ, обыкновенно невольнымъ и безослабнымъ, но все же виновникомъ тѣхъ или другихъ общественныхъ „безокоистъ“.

Земской врачъ, если онъ съ интересомъ и преданностью относится къ своему дѣлу, неминуемо приходитъ къ переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей самодержавія съ точки зрѣнія интересовъ народнаго здоровья. Хроническое недоброжелательство и острый голодомъ, какъ одинъ изъ результатовъ „внутренней политики“, пока, какъ одинъ изъ ея методовъ — фатально ведутъ къ физическому вырожденію населенія. И земскому врачу приходится либо превратиться въ полицейскаго агента по медицинскимъ дѣламъ, либо стать однимъ изъ элементовъ оппозиціи. Земскій агрономъ неминуемо приходитъ въ столкновеніе съ мѣропріятіями правительственнаго хищничества, ставящими непреодолимую преграду всѣмъ агрономическимъ попыткамъ повысить производительность крестьянскаго хозяйства. Агроному остается признать тишью своихъ культурныхъ усилій при дѣлѣмъ сохраненіи антикультурнаго института — самодержавія.

Фабричная инспекция — незначитъ и говорить, что она не стояла и не могла стоять на стражѣ нуждъ русскаго рабочаго класса; по поскольку она была призвана къ наблюденію за нормальнымъ ходомъ промышленной жизни, она приходила и не могла не приходила въ лифъ своихъ органовъ въ сравнительно частыя столкновенія съ агентами полицейской власти. Промышленности нуженъ работоспособный, по возможности культурный пролетаріатъ, — самодержавію нуженъ по возможности темный, забитый и загнанный подданный. Вотъ основа неизбежныхъ трений, а значитъ и основа для законодательныхъ актовъ въ духъ подчиненія, ограниченія и согласованія.

Несогласованность органовъ, порождающая потребность въ подобномъ роду мѣрахъ, вызывается, какъ мы видѣли, стихійнымъ стремленіемъ общественнаго процесса оторвать въ неприязнь полицейскіе члены правительственнаго органа и придать имъ сколько-нибудь культурное назначеніе. Такое явное злодѣйственное стремленіе является въ свою очередь результатомъ взаимопризнанія социальной эволюціи и департамента полиции. А въ конечномъ итогѣ несогласованности органовъ и взаимопризнанія эволюціи и полиціи является необходимость для самодержавія болѣе непосредственно подчинить всѣ жизненные функціи и соответствующимъ имъ органамъ центральной нервной системѣ самодержавія, т. е. министерству внутреннихъ дѣлъ. Такое подчиненіе дѣлаетъ опеку самодержавія еще болѣе невыносимой для социальнаго развитія и тѣмъ самымъ заставлятъ самодержавіе еще упорнѣе подчинять социальное развитіе своей оцѣнѣ.

Но такъ какъ всепродумывающая централизованная полицейская опека становится технически все менѣе и менѣе возможной въ связи съ возрастающей сложностью стальныхъ интересовъ, то самодержавіе вынуждено вилотную политику къ тому излазу, который былъ опредѣленъ еще Щедринымъ, какъ *децентрализованная помпадурія*. Идеаль этотъ былъ открыто-возвѣщенъ въ „золотыхъ словахъ“ събѣдлаго царскаго манифеста о „крѣпкой мѣстной власти, предъ нами отвѣственной“.

Дореформенное самодержавіе, цѣлкомъ воплощенное Николаемъ I ранѣе его доведеніе до абсурда Павломъ, не знало этихъ противорѣчій. Оно считало себя правоспособнымъ непосредственно полицейскими мѣрами разрѣшать всѣ проблемы и утирять голубымъ облагомъ все слезы. При Павлѣ оно стригло и брило подданныхъ по официальному образцу и составляло для нихъ словарь разговорной рѣчи, при Николаѣ оно заботилось о поэтическихъ достоинствахъ предла. Цензура должна была не только подстрѣгать и преследовать, но и „способствовать“.

Съ банкротствомъ Николаевымъ правительственная тактика мѣнялась. Дѣлается широкая попытка отдѣлится отъ полицейскія функціи отъ культурныхъ, поручая послѣднія либо органамъ общественнаго самоуправленія и общественной самостоятельности (земства, думы, комитеты грамотности и пр.), либо специальнымъ органамъ и чиновникамъ правительства (например, фабричные инспектора). Выбѣтъ съ тѣмъ создается полицейскія нормы, за которыя дѣятельность культурныхъ органовъ не должна переступать, и которыя, по замыслу законодателя, должны явиться достаточными „гарантіями неприкосновенности“ для принициповъ самодержавія*. Но жизнь сплошь и рядомъ наполняла эти „нормы“ завѣдомо „тенденціознымъ“ содержаніемъ. Земская статистика, частная помощь голодающимъ, земское продовольственное дѣло учебное дѣло — всѣ эти казались бы скромными отраслями культурной работы, обильныя „хитростями“ историческаго „разума“, оказывались сплошь политическими „неблагонадежными“. Даже земские болѣе или менѣе умныя инстинкты, какъ извѣстно, слѣпа юбилейную фантасію. Въ результатѣ — самая скромная „автономія“ культурныхъ органовъ ведетъ за собой систематическій полицейскій похлѣвъ противъ земствъ вообще, противъ зем-

* Очень недавно С.-Петербургскій фабричный инспекторъ въ своемъ секретномъ доносѣ на управленію отдалъ о промышленномъ такъ выразительными чертами характеризовалъ „политическіе“ взгляды С.-Петербургскаго градоначальника: „Законодатель долженъ поставить въ организаціи въ строго опредѣленные рамки, соответственно цѣлямъ каждой, и обратитъ вниманіе на полную ясность дѣловодства; нѣтъ же образомъ, по его мнѣнію, нельзя допустить въ этотъ дѣлъ руководствъ какихъ-либо одного административнаго органа, въ особенности же со стороны департамента полиціи, дѣятельность коего, въ силу особыхъ условий, ей присущихъ, всегда можетъ вызвать въ публикѣ нерасположеніе неудовольствіемъ инстинкту“.

скихъ „третьихъ лицъ“ (иначе, статистиковъ, агрономовъ и пр.), въ особенности, противъ частныхъ благотворителей, не заручившихся губернаторскими рукопожатіями, противъ цѣлаго ряда культурныхъ и благотворительныхъ обществъ, — похлѣвъ, озаглавленный такъими героическими ивріями, какъ закрытіе столовыхъ и упраздненіе „статистикъ“!

Земскіе агрономы упреждаютъ похлѣвъ урядниковъ. Университетская наука не выходитъ изъ-подъ надзора полиціи-послѣднихъ инстинктовъ. Земства и думы превращаются въ приклады губернаторскихъ и градоначальническихъ наездниковъ. И наконецъ фабричные инспектора получаютъ похлѣвъ оуку губернаторовъ. Тѣ самые фабричные инспектора, которые въ сущности представляютъ лишь отбѣнокъ общегосударственной полиціи, которые ~~бывало~~ горало блинъ къ кабинету фабриканта (и жандармскій наездникъ); чьѣхъ въ рабочей квартирѣ, — и они оказываются способными принять рѣшенія, противныя закону и общественному порядку..

Это сосредоточенное недоброжелательство жандармско-полицейскаго аппарата ко всему, что стоитъ внѣ его, прекращено иллюстрируется законопроектъ о фабричныхъ старостахъ, въ которомъ мы вернемся, когда (если!) онъ станетъ закономъ*. Теперь отнимать лишь слѣбующую оппозицію черту законопроекта. Не смотря на то, что выборы рабочими старостъ происходитъ не иначе, какъ въ рамкахъ очерченныхъ фабрично-заводскимъ управленіемъ, и притомъ подъ нааоливымъ контролемъ фабричной инспекции, которая, въ свою очередь поставлена теперь подъ ближайшій контроль губернаторовъ, — законопроектъ включаетъ въ себя такое предостереженіе, „примѣчаніе“: „Губернскому началству предоставляется въ тѣхъ случаяхъ, когда по дошедшимъ до него начальства свѣдѣніямъ рабоче, избранные въ старосты, не удовлетворяютъ своему назначенію (?), устранить ихъ отъ исполненія обязанностей старосты и до срочна, на который они избраны“. Такимъ образомъ уже здѣсь, въ законопроектѣ, полиція вступаетъ въ единоборство съ жизнью, которая уже достаточно зарекомендовала себя со стороны ухитряться обрывать противъ самодержавія учрежденія и установленія, имъ же самимъ вынужденія къ жизни въ цѣлахъ собственнаго огражденія.

Комментарій събѣдлаго Николая „Нового Времени“, къ „иссочаему повелѣнію“ 30 мая, очень наглядный. Эта газета справедливо считаетъ новое постановленіе „всѣмъ характернымъ для руководящихъ идей настоящаго времени“. Правда, приходится признать, что въ создаваемомъ имѣтъ положеніи мѣются „косяками“ шекотливыя стороны: чиновники министерства финансовъ ставятся въ зависимость отъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ, что не минимизируетъ бюрократическа „трения“. Но „это основанія ожидать, говоритъ газета, что губернаторъ будетъ поставленъ какъ *представитель не одного ведомства, а всѣхъ властей вообще*“. Каждая губернія превратится въ болѣе или менѣе автономную помпадурю, управляемую твердой рукой губернатора, предъ „Нами“, т. е. передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ отвѣстнаго.

Итакъ, губернаторъ, властной рукой натягивающій на хбѣсть всѣ „брады“, переступающій уфренною ногою всѣ законы и отбѣняющій михомодомъ распоряженія фабричной инспекціи въ высшихъ интересахъ „общественнаго порядка“, — и тотъ же губернаторъ, получающій въ центра вѣншіе по части своевременности извѣнія ерверъ охлѣ-таки въ высшихъ цѣлахъ „общественнаго порядка“ — такое послѣднее слово практики оглашеннаго самодержавія.

Но не смотря на весь свой конистій адскій характеръ, эта практика обузданія общественной стихіи имѣтъ много общаго съ попытками Диккенсовскаго героя задержать шкетъ волны морского прилива..

О! Конечно, мы знаемъ, что орудія, какими пользуется оафривающая русская власть безконечно гроаніе жалкой половой шетки. О! Разумеется, мы помнимъ, что всеобщестыльная „шкетка“ русскаго самодержавія снабжена острыми же „банными зубьями, которые — при каждомъ новомъ правительственномъ экспериментѣ — выиваются въ тѣло, въ живое тѣло русскаго народа... Но мы въ то же время знаемъ, — и въ этомъ залогъ нашей побѣды — что и самая гигантская жандармско-полицейская шкетъ не дано задержать волны революціоннаго прибои!

„ЖЕЛЕЗНЫЙ“ СЪЕЗДЪ.

Тупой усталъ, такое конечный пунктъ всѣхъ правительственныхъ мѣропріятій послѣднихъ временъ, Виновата ли въ этомъ „судитъ“ или таковы уже зѣлы родъ самодержавія, но ему нѣтъ ни удачи, и всѣмъ своимъ мурлыкамъ насчитывая оно только себѣ дискредитируетъ. Становится въ этой области оао-ебъ въ вѣдомства, и почти въ то самое время, когда г. фонъ-Плесе кишиневскими извѣстіями обнаружилъ перелѣ всѣмъ міромъ банкротствѣ всѣхъ внутреннихъ полиціи самодержавія, г. Витте измудился показатъ также неосостоятельность своей финансовой полиціи. Конечно, умелъъ другой тутъ былъ. Но, на бѣду самодержавія, события не считаются болѣе съ его умисанія и результаты получаются совершенно противоположные тѣмъ, какіе ожидалъ тотъ или другой его судья.

Никѣтъ, что очень тѣсна дѣла соединила недавно министерство финансовъ съ міромъ крупныхъ „заводчиковъ, дружба до того тѣсна, что мнѣніе наивные люди дѣлали отсюда какіе-то выводы на счетъ существованія у насъ специфической буржуазной конституціи. Въ это-то блаженное время развѣта русскія промышленности при благословеніи содѣйствіи министерства финансовъ возникло множество всевозможныхъ предпріятій, среди которыхъ было очень много и таковыхъ, которыя не обладали почти никакими „собственными“ капиталами и существовали исключительно благодаря кредиту. „На аграрныхъ рынкахъ, — писалъ въ 1897 году, захлебываясь отъ восторга, официальные органы министерства финансовъ, — акціи этихъ заводовъ, приносившихъ огромные дивиденды, отъ которыхъ давно отыскили иностранные капиталисты, стояли такъ высоко, что дало было прибавить къ названію формы „дифференціи“ — „доцентъ“.

* Газеты сообщаютъ, что этотъ законопроектъ уже прошелъ въ государственномъ советѣ.

[illegible]

Я вижу детей этих бедняков: исхудалые, в жалких
отрешках, они таяли в духотѣ квартир, в чадѣ заводской
копоти.

[illegible]

Демонстрации мая были вместе с тем и майскими праздничными рабочими, и заключение г. прокурора о казни Балимашева, как о причине демонстрации, несправедливо. Майские демонстрации бывали и раньше и позже казни. Требования, выставленные рабочими, являются мало общего с Балимашевыми. Террористический способ борьбы и программа партии, называемой «Балимашевы», также чужды рабочим движению. В настоящее время в городе не осталось ни одного рабочего, который бы признавал городское население как оружие, итд.». Они демонстрацию, они хотят показать господствующую классу, что они терпеть не могут, что они имеют право на лучшее

На знаменах, которые были в демонстрации 5 мая, были надписи: «Мы требуем 8-ми часового рабочего дня!», «Работы безработных!». Почему-то прокурор в своей обвинительной речи ничего не упомянул об этих требованиях, а в адрес меня, как выразителя интересов русских рабочих, эти требования были превращены в акт провокации.

Воспитательная работа детей необходима нам, рабочим, чтобы спасти людей; чтобы, кроме работы, оставалось время и на самообразование; чтобы на воспитание детей, чтобы не утомлялись в работе до одурения; чтобы сэкономить свои силы не до 30, не до 40 лет, а на все время, так, как только и есть дозволено у рабочих; это их сила; чтобы защитить рабочий класс от вырождения, ибо непосильный труд истощает организм. Да, защита, а ведь право самоопределения существует и считается законным правом на всех языках, во всех уголках земного шара.

Надѣюсь, что вы, господа судьи, не будете оспаривать это право и у насъ, русскихъ рабочихъ.

Другое требование было: «Работы безработным». Если первое требование было справедливым, то второе — глупо-глупо. Люди, которые своим трудом прокармливают государство и классы, люди, создавшие все блага культуры, имеющие большее право на пользование этими благами, чья бы те, которые пожимают их, не слыши. И вотт, изъяти это нравственное право, рабочие пока не пользуются им; они пока не говорят: «удайте тех, пожинающих плоды наших трудов». Нетт, в этом случае мы должны были бы сказать: «удайте рабочих», которых содержали и содержат прошедшие правительства, дворян, фабрикантов, купцов и пр. не трубящих сами современного государства! Дайте работы людям, которые создали богатства другим, а сами терпят лишения!

Неужели вы, господа судьи, назовете людей, требующих работы, преступниками? Неужели вы осудите их на голодную смерть? Это было бы мало того, что несправедливо, но и жестоко, чудовищно жестоко. Требование политической свободы — это требованием долгой самодержавия! — не есть только требование рабочих. Политическая свобода нужна и средним слоям буржуазии и людям свободных профессий, не говоря уже о миллионах крестьянства.

Но что может называться свободой для них, то вовсе не обязательно послужит свободой и для рабочих. Политическая свобода для рабочих не есть цель, а одно из необходимых условий в деле защиты своих интересов, в деле завоевания лучшего будущего, поэтому исключительно политическое движение не может быть движением рабочих масс.

И социалдемократы. Считая, что социалдемократия, и только она одна, является истинной выразительницей интересов пролетариата вообще, и русских рабочих в частности, и считают долгом сдвигать ее принципы, поступать согласно ее программе.

Одним из пунктов программы и есть требование политической свободы. Это требование не есть продукт каких-либо идеологических соображений; нет, оно вызвано жизнью. Причины, вызывающие этот недостаток, таковы же глубокие, лежащие в рабочих массах, как глубокие индустриальные причины, дающие русских рабочим политическую несвободу.

Самодержавие — это система, где все зависит от воли одного человека. Самодержавие — это система, где все зависит от воли одного человека. Самодержавие — это система, где все зависит от воли одного человека.

Проводящую социалистическую идею, социальное государство имеет, что эти идеи, пропущенные из народных масс, являются возможным проведение их в жизнь, таких реформ, осуществление которых приведет к благополучию не только трудящихся классов, но и всему человечеству. Для осуществления социальных реформ и требуется народное правление, ибо реформы и социальные

*) Товарищ Денгисов, повидному, не знаком с фактами доказывающими, что Балмагмашев не вышел из рядов партии «со-пер», который он так говорит. В своем выступлении Балмагмашев был социалдемократом. Отсюда ясно, что, конечно, не является опиской террористического способа борьбы с его отношения к рабочему движению.

П.И.И.И.И.

и его отношения к правоте, действительности. прил. ред.

[illegible][illegible]

...разжаловали рабочих от нас и подвешивали и сажали разжалованных расстреливали. Во время стачки приходилось подбивать только стариков, молодые же отказались от помощи.

